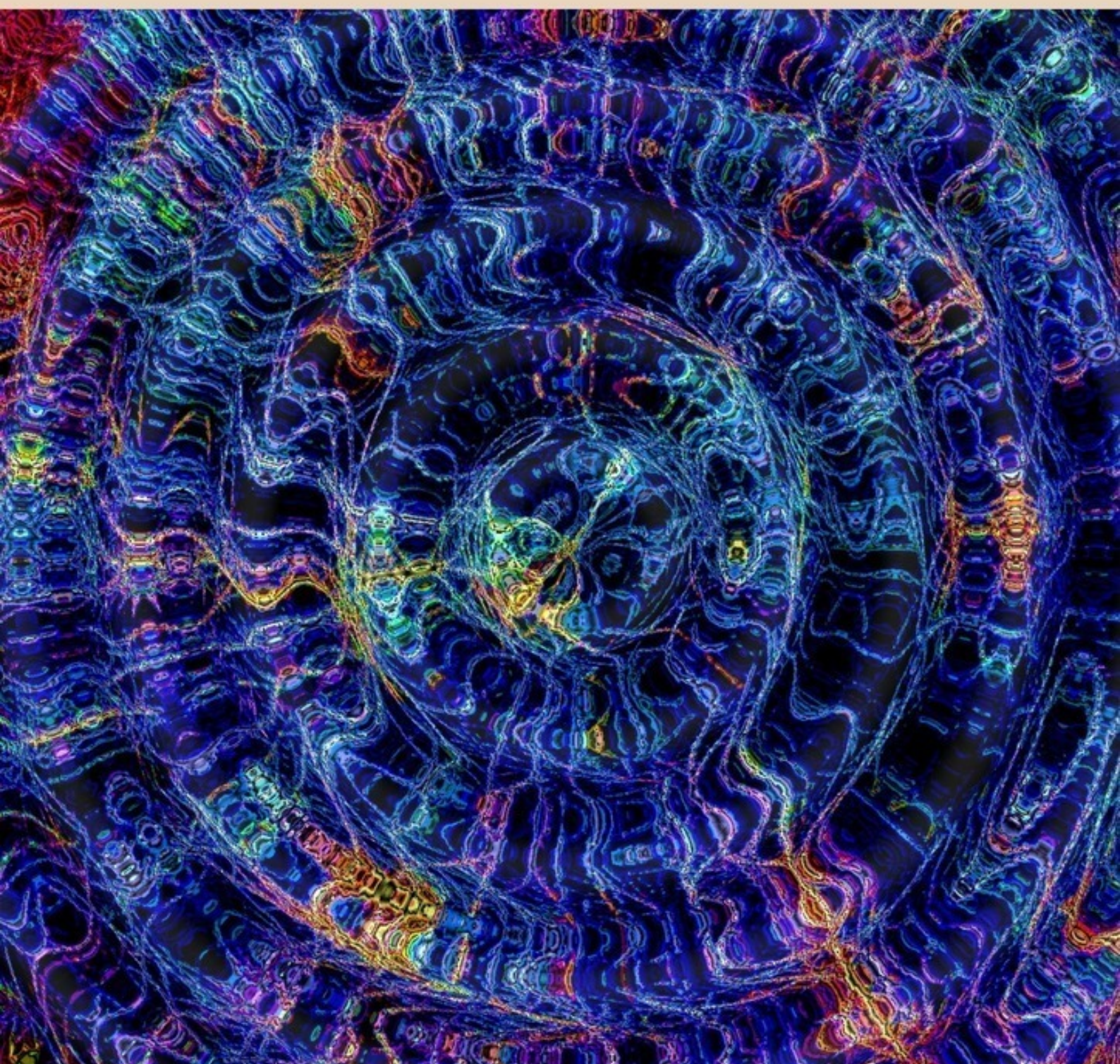

Елена Клепикова
Тайна синей паутины

Елена Клепикова

Тайна синей паутины

«Издательские решения»

Клепикова Е.

Тайна синей паутины / Е. Клепикова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-833029-2

Однажды летом, в самом обычном городе, самым обыкновенным детям — двоюродным братьям и сестре попала в руки странная карта. С этого момента для них началось время удивительных чудес. Пятёрка отважных, в компании с бабушкой, говорящей домашней крысой и снежным человеком отправляется в путешествие, чтобы найти Нечто.

ISBN 978-5-44-833029-2

© Клепикова Е.
© Издательские решения

Содержание

Глава первая: Письма	6
Глава вторая: Карта	9
Глава третья: Сборы	13
Глава четвертая: Поездка	17
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Тайна синей паутины

Елена Клепикова

© Елена Клепикова, 2016

© Елена Георгиевна Клепикова, иллюстрации, 2016

Редактор Ксения Владимировна Рогожникова

ISBN 978-5-4483-3029-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава первая: Письма

Привет! Меня зовут Алмас. Я хочу рассказать историю, которая приключилась этим летом с нашей тёплой компанией, с нашей «пятёркой отважных». Ничего бы не случилось, если бы мы не влезли в чужой компьютер, если бы не нашли карту, если бы не поехали на Или. Если бы мы знали, что нас ждёт в подземном лабиринте. Если бы мы только знали... Но обо всём по порядку.

Утро, в которое всё началось, ничем особенным не отличалось. Дед ушёл на работу, мы поспорили с бабушкой, не помню о чём. Проиграли и отправились мыть машину. Честно говоря, минивэн совсем необязательно было мыть – завтра мы собирались ехать за город, на Или, на нашу любимую, спокойную, широкую, тёплую речку. Дня на три: накупаться вволю, позагорать, рыбу половить. А там до берега дороги асфальтированной нет, как с трассы съедешь, пыль столбом. Но спор есть спор, проигрыш есть проигрыш – условия, хочешь не хочешь, надо выполнять. Машину мы дружно вымыли, вернулись домой и заскучали. Тихонько шуршал кондиционер, навевая прохладу. Дедушкин пёс Коныр, дремал, развалившись на диване. На ковре спала лайка Мура, рядом, приткнувшись под бочок, посапывал носом Граф Дракула – домашний любимец, учёный крыс. За закрытым окном плавился от жары город.

– Ску-учно, – протянул Макс.

– Пошли в кино сходим, – предложил Жовхар. Он подбежал к Макс, подёргал за рукав футболки. Потом отскочил к окну, поцарапал ногтем стекло, снова вернулся к Макс. Тот вздохнул и закатил глаза.

– Сколько можно? Пересмотрели уже всё, – фыркнула Фируза. Она с интересом наблюдала, как Петька пытался штопать носки. Братец считал шитьё не мужским делом и иголку с ниткой в руки не брал, всё ждал, когда бабушка или Фируза ему дырки на носках зашьют. Но бабушка решила, что штопка носков дело вполне себе мужское, навык нужный, в будущем всегда может пригодиться, и всем нам сказала «что такие мелкие изъязны в одежде» мы должны исправлять сами. Вот Петька и исправлял. Вокруг него были разбросаны катушки с цветными нитками и полосатые носки. Однокрасочных, серых там или чёрных, он не признаёт. Говорит, в цветных носках и жизнь ярче. Я попробовал – и в чёрных носках, и в белых, и в цветных походил попеременно – всё одинаково. Жизнь, она и есть жизнь, от цветных носков не зависит. Возможно, у Петьки всё по-другому. Хотя мы пятеро двоюродные братья и сестра, мы очень разные. Бабушка называет нас «мои драгоценности». Это потому, что имена у нас такие: Фируза – бирюза, Жовхар – жемчуг, Петька-Лал – камень-рубин, Алмас – алмаз, а у Макса одна из его многочисленных фамилий переводится просто как «драгоценный камень». Честное слово, нас не специально так называли, как-то так случайно совпало.

– Ску-учно, – ныл Макс.

– Тогда в парк – на «Сюрпризе» прокатимся, на «Ромашке». На «Лифте» – р-раз! – Жовхар подпрыгнул на месте, и, как маленький кенгуру, заскакал по комнате.

– Ми-ми-ми, ещё мороженого предложи поесть с сахарной ватой! – Фируза глаз от Петьки не отводила. Тот уже выбрал из игольной подушечки длинную тонкую иглу с малюсеньким ушком, оторвал от катушки метровую жёлтую нитку, послюнил кончик и старательно пытался пропихнуть его в игольное ушко. Даже я видел, что для этой иглы нитки слишком толстые, но Петька не сдавался и упорно продолжал пихать нитку. Жовхар остановился около брата, скрестил руки на груди и значительно сказал:

– Рэзать нада... – Есть у малого такая странная приговорка, на все случаи жизни. И произносит он её с таким специальным «кавказским» акцентом. Хотя по-русски братишка очень

хорошо говорит: правильно, даже красиво. Жовхар добавил: – Нитку, говорю, на уголок подрезать надо. По-другому не пролезет. – Петька только зашипел сквозь зубы.

– Ску-учно-о-о, – тянул на одной ноте Макс. Он сидел на полу, сложив ноги калачиком, и раскачивался как кобра перед факиром. – Ску-у-учно-о-о.

– Ну, ты достал, – Петька сердито смял нитку в комок, вколол иглу обратно в подушечку, сжал кулаки и не миновать бы крупной внутрисемейной разборки с пиханием ладонями и криками «сам такой», но мы услышали звонок в дверь. Звонок трещал робко и одновременно настойчиво. Жовхар побежал открывать. Хлопнула дверь, в коридоре что-то упало, потом забормотали голоса, опять грохнуло и рассыпалось, как будто уронили ящик с железками. «Всё-таки он упал», – я поёжился. Этот ящик стоял на табуретке в прихожей уже месяца полтора. Дед его никому трогать не позволял, но и сам не убирал. Говорил, что там лежит что-то очень-очень нужное, для работы незаменимое и, как только появится время, он, дед, всё разберёт и разложит по местам.

В комнату вошла рассерженная бабушка, следом мрачный и расстроенный Жовхар, за ним бочком протиснулся дедушка. Посреди комнаты бабушка развернулась, картинно упёрла руки в бока:

– Та-ак, что на этот раз?

– Марысенка, так вышло, – дед, пряча глаза, протянул большой конверт, рябой от штемпелей и цветных марок. Бабушка вытащила исписанный лист, прочитала, обессилено опустилась на стул:

– И ты, конечно, не мог отказать?

– Марысенка, – юлил дед. – Такое нечасто бывает. Международный фонд оплачивает все расходы. Три дня конгресс в Катманду, а потом участники поедут в Гималаи. На семь дней. Ну, на две недели.

Бабушка грустно посмотрела на деда. Дед Наиль прижал руки к груди:

– На три недели, а потом, честное слово, домой. Три дня и двадцать один – всего двадцать четыре. Для ровного счета тридцать – и домой. Правда-правда, сразу домой.

– Хоть бы ты скорее нашел этого своего снежного...

– Марысенка, а уж как я рад был бы. А ты знаешь, что йети отличаются от биг футов и от тьянь-шаньских снежных людей? – дед оседлал любимого конька.

Наш дедушка Наиль – биолог, по вторникам и четвергам ходит на работу в Академию Наук, читает лекции в университете, но в основном работает дома. Конечно, когда не в экспедиции. А экспедиций у него в год по две-три, это точно. Ещё у него есть мечта – найти снежного человека. Он рассказывал, что когда учился в школе, ходил с друзьями в горы и как-то зимой увидел следы на снегу – огромные, необычной формы. Тогда они все испугались и быстро спустились в город. Но желание увидеть того, кто эти следы оставил, не исчезло. С тех пор дед собирает и систематизирует все сведения, которые о снежном человеке появляются. Во время отпуска с такими же одержимыми искателями отправляется на Алтай, на Камчатку, в Карпаты, на Кавказ. В наших горах, пожалуй, все возможные места облазил. Есть у меня подозрение, что и биологию дед выбрал, чтобы поближе к своей мечте быть. Вообще-то я в снежного человека не совсем верю, но если такое чудо природы существует – дед его обязательно найдёт.

– Когда едешь? – не стала слушать бабушка.

– Самолет через три часа, я тебя поцеловать зашёл и за вещами.

Сумку дед собрал быстро – сказывалась многолетняя практика. Да и мы помогали, чем могли. Уложили в кофр фотоаппарат, видеокамеру, зарядки, запасные аккумуляторы. Успели даже собрать обратно в ящик железки, рассыпанные по всей прихожей. Только присели на дорожку, как под окном посигналила машина, присланная за дедушкой. Все засуетились, подхватили вещи, и пошли вниз. Правду говорят, долгие проводы – лишние слёзы. Дедушка еще раз клятвенно заверил, что через месяц, в крайнем случае, через полтора, будет дома, и отбыл.

Мы вернулись в квартиру, расселись в гостиной, кто где. «Вот и съездили на Или, – подумал я. Плакали и тёплая прозрачная вода, в которой можно купаться весь день, и прогулка к Писаным Камням, и рыбалка, и ни с чем не сравнимая, наваристая уха с дымком, и страшилки, которые, сидя у костра, можно рассказывать до утра, и огромные сияющие звёзды. Таких звёзд в городе никогда не увидишь. – Придётся теперь в городе сидеть. Эх, беда-печаль».

– Ладно, – сказала бабушка. – Утро вечера мудренее. – Она подняла голову к потолку, поморгала, будто ей в глаз попала соринка, добавила. – Подумаешь, и сами до реки доберёмся, и отдохнём хорошо. – Свистнула собакам, и они втроём ушли в парк – переживать.

Мы посидели тихонько минутку, потом ещё одну, потом Жовхар изо всех сил швырнул в стену футбольный мяч:

– На речку хочу!

Макс отозвался:

– Будем надеяться, бабушка не передумает. – И задумчиво протянул, – Кстати, чем это йети гималайские от тянь-шаньских отличаются?

– Можно посмотреть, – ответил Жовхар. Он схватил мяч и замер, как охотничий пёс, почувший добычу.

– Где? – Макс обвёл нас ясным взглядом, вкрадчиво повторил. – Где?

«В Караганде» – пробурчал я себе под нос. А то он не знает.

– У деда в кабинете компьютер, правда, запароленный, – подхватил идею Петька. Как-то незаметно он убрал в коробку нитки, игольницу, собрал в пёструю кучку носки.

– Даже не думайте! – Фируза разволновалась не на шутку. Вечно она боится, что мы что-нибудь сломаем или испортим – то нельзя, это нельзя, здесь не стойте, там не трогайте. Будто ей не тринадцать лет, а сто тринадцать. Мы же с компьютером ничего не сделаем – файлы не сотрём и не добавим. Посмотрим, почитаем про снежного человека и всё.

Уговаривали мы Фирузу, уговаривали. Уговорили. Компьютер включили, а пароля почему-то не оказалось – свободный доступ. И что вы думаете, как только комп полностью загрузился, на экране летучая мышка: «Проверьте почту». Проверяем, а там письмо – дедушка его с работы отправил, когда узнал, что уезжает: «Дорогие мои, если я хоть чуть-чуть вас знаю – вы сейчас залезли в мой компьютер. Я не в претензии – знаю, что ничего не повредите, заодно и моё письмо прочитаете. Дело вот в чём, несколько лет назад старый друг подарил карту. Как и любая карта, она должна привести к чему-то необычному и важному. Может, к кладу, а может и к тому, что дороже клада. Не знаю, не знаю. Я сам её не видел, даже конверт не вскрывал, но друг сказал, что карту надо расшифровать и в одиночку это сделать невозможно. Я ждал, когда вы подрастёте, чтобы вместе подумать. Не сложилось. Попробуйте сами, без меня. Целую. Деда», а ниже приписка – постскриптум: «Вернусь через полтора месяца. Берегите бабушку. Карта в жёлтом конверте в верхнем правом ящике стола. Что бы ни случилось – думайте о хорошем, и всё будет хорошо». Вот такие дела.

Глава вторая: Карта

Никто из нас не решался протянуть руку и первым открыть ящик. Наконец Фируза нерешительно потянула за скобу, набитый бумагами ящик открылся. На самом верху лежал большой конверт из толстой жёлтой бумаги. Пиратские клады, пещеры Али-бабы, библиотека Ивана Грозного, бриллиантовый дым, сундуки золота, тазики жемчуга. «А! А! А! Пиастры! Пиастры! Пиастры!» – зазвучал в ушах голос Капитана Флинта. Пять пар рук одновременно вцепились в конверт. Каждый хотел открыть его первым. И вот так, не разжимая рук, наша тёплая компания, вывалилась в гостиную.

– Ну что, – Макс поочерёдно посмотрел каждому в глаза. – На счёт три?

Все согласились, и Фируза стала считать:

– Раз. Два. Три!

На слово «три» мы неохотно разжали руки, конверт упал на пол. Все уселись вокруг конверта в кружок, как вокруг костра.

– Сами откроем или бабушку подождём? – как-то непроизвольно это вырвалось, я поёжился.

Братья и сестра посмотрели на меня, потом друг на друга.

– Осторожный ты наш, – тихонько проворчал Петька.

– Не маленькие, разберёмся. – Фируза хоть и зануда, но если принципы свои в стороне оставляет, а это редко, но случается, то её уже не остановить, идёт до конца. Она сбегала за ножницами, взяла конверт, осторожно срезала с края тонкую полоску и вытряхнула сложенный вчетверо лист бумаги. Мы дружно резко склонились над листом, наши головы столкнулись, как бильiardные шары, раздался сухой треск. И будто в ответ громко бабахнуло на улице. Из глаз у меня брызнули искры. Не знаю, как у кого, мои искры были зелёными и большими. Я, шипя сквозь зубы от боли, схватился за лоб и растянулся на ковре. Справа всхлипывала Фируза. Напротив распластались братцы. Со стороны мы смотрелись как выброшенная прибоем на берег гигантская морская звезда. За окном почернело, снова бабахнуло, а потом зарычало, загрохотало, загрохотало так, словно тысяча обезумевших поваров-великанов застучала поварёшками по гигантским железным котлам. Черноту распорола ослепительная белая молния, и хлынул ливень.

– Дождь пошёл, – я смотрел на стекающий по стеклу поток воды. Но никто не обратил внимания ни на дождь, ни на мои слова.

– Теперь уж никто не спутает, точно – родственнички. Даже рожки растут одинаково, – приподнявшись на локтях, сказал Петька. И правда, – себя-то я не видел, – у всех на лбах наливались розовым цветом аккуратненькие шишки. Ювелирно стукнулись, ничего не скажешь.

– Да, – вздохнул Жовхар. – Бой не начался, а раненые уже есть. – Он перекатился на живот, потом встал на четвереньки, развернулся и так на четвереньках подполз к листу. – Бумага какая-то не такая.

Бумага действительно была странная: не сказать, чтобы ветхая или старая. Именно странная – шелковистая, мягкая на ощупь, в то же время, плотная и, как бы правильно сказать... не наша. Чужая. Такое ощущение, что даже воздух вокруг неё был плотнее и слегка светился. Все это почувствовали.

– Слушайте, ну её, эту карту, – я говорил через силу. Выставить себя трусом, что может быть хуже. Но не мог я по-другому. Даже не опасение, какой-то чёрный липкий ужас заполнил меня до самой последней клеточки тела. Будто ледяными глазами в меня всматривалась бездна.

В комнате ничего не изменилось, но всё стало чужим. Другая реальность. Отстающая или, наоборот, убегающая вперёд от нашей. И мы – другие. А настоящие мы остались где-то там.

– Брателло наш труханул! – Петька подтолкнул Жовхара плечом, тот согласно захихикал, закивал «слабо, слабо». – Фу-фу-фу, уберите эту бяку, боюсь-боюсь. Так что ли, Алмаска?

– Ну тебя. Понимаете, неправильно это, – братья и сестра смотрели на меня, но это же невозможно – объяснить, что я почувствовал. Чувства – одно. Доказательства – совсем другое. А доказательств не было, только ощущения. Я махнул рукой. – Ладно. – Взяли меня «на слабо».

Пути назад не было. Макс развернул бумагу, положил на ковёр, разгладил и мы увидели карту. Сказать, что мы удивились нельзя, мы были потрясены до самой глубокой глубины души. На листе жило своей вселенской жизнью звёздное небо: вот, можно потрогать. Как на 3D экране. Я, конечно, не астроном, но ничего знакомого на карте не увидел. А она начала стремительно меняться. Словно камеру переводили с объекта на объект, а потом быстро увеличивали изображение. И вот на карте появились уже знакомый Млечный Путь, узнаваемые созвездия Большой Медведицы, Лиры, Кассиопеи, Ориона, потом наша Солнечная система. Изображение всё увеличивалось – перед нами сиял пёстро-голубой шарик Земли. Мы будто падали с огромной высоты: материки, океаны, горы, леса, города, улицы. Любимый сквер, белые лебеди в пруду, аллея роз, наш старый большой дом с колоннами и маленькими резными балконами. Можно было даже пересчитать вишни в тарелке на подоконнике соседской квартиры.

Бац! Перед нами на кремовом листе возникла невнятная схема, похожая на творение паука-тенётника. Паутина тёмного, сине-фиолетового, как грозовые тучи, цвета с разбросанными по ней яркими точками.

– Та-ак, – протянул Макс. – И что нам это даёт? Паутина, паутина синяя. Паутина. Жёлтые точки «П», красные точки «М» и точки оранжевые, зелёные и фиолетовая без маркировки. Кто что скажет? Мысли есть?

Мыслей не было никаких и ни у кого. Ну, карта, и что? Мало ли карт разных на свете. Братья и сестра приняли странную карту, как говорится, по умолчанию – раз карта есть, значит, она есть. И всё! Они даже не понимали, что не может быть в нашем мире такой карты. Мы сидели, таращились на синюю паутину с точками, похожими на цветных прилипших мух, и ничего не могли придумать. Ливень за окном прекратился также неожиданно, как и начался. Будто там, на небе, кто-то повернул ручку крана – перекрыл воду. И тут раздался отчаянный писк. Граф Дракула незаметно подобрался к карте, обнюхал бумагу и возбуждённо запрыгал на одном месте, потом остановился, поднялся на задние лапы, мордочку и передние лапки воздел к потолку и закружился в танце, как дервиш.

– Ой, мамочки, что это с ним? – прошептала Фируза, потихоньку перебираясь за спины Петьки и Жовхара. Братцы схватились за руки и переговаривались, не сводя глаз с крыса, чтобы в любой момент либо отпрыгнуть и сбежать, либо... в общем, по ситуации. Жовхар дрожащим голосом пробормотал:

– Сейчас перекусает нас, и станем крысятами-дракулями.

– Ага, и сорок укулов в живот, – таким же дрожащим голосом отозвался Петька.

– Нет, укулы – если бешеная собака укусит. – Фируза и здесь पहले первых. Боится, но поправить успеет. Ну, не терпит она неправильного.

– А если бешеная крыса? – Жовхар даже зажмурился от страха. Непонятно только перед чем – перед укулами или укусами.

– Он не бешеная крыса, он – крыса чокнутая, – нервно хихикнул Макс.

Граф Дракула кружился всё быстрее и быстрее. Я испугался. Граф Дракула – учёный крыс, умница и характер у него спокойный. Когда кто-нибудь читает книгу, Граф Дракула пристраивается рядом и с интересом водит глазами по строчкам. Ещё он коллекционирует монеты. По ночам иногда он убегает и, возвращаясь утром, обязательно приносит медную или никелевую монетку. В его коллекции попадают и настоящие редкости: старинный полудирхем, с почти затёртой арабской надписью, николаевский юбилейный рубль. Изредка крыс перебирает коллекцию, и если попадают дубли, уносит ненужные деньги на кухню и складывает

в баночку из-под майонеза. Однажды случайно я видел, как он старательно натирал серебряный советский полтинник кусочком ткани, отгрызенным от махрового купального халата. А имя ему такое досталось не потому, что «он вампи-и-ир». Я на улице, около арыка подобрал маленького крысёнка. Принёс на ладони домой. Думал, бабушка заругает, а она сказала только: «Надо же, ещё слепой, а зубки, как у графа Дракулы» и пошла за пипеткой. Детёныша молоком поить. Так это «Граф Дракула» к крысу и прилипло.

Сейчас с нашим мудрым, тихим Дракулой творилось неладное. Он кружился волчком и уже не пищал, а тоненько выл на одной ноте. Звук становился все тоньше и тоньше, наконец, исчез. И как только оборвался звук, обессиленный Граф Дракула рухнул прямо на карту, раскинув лапки на Паутине.

Я взял крыса на руки – он был горячий и дышал резко, прерывисто.

– Ребята, это он неспроста. Может, что-то хотел сказать? Из-за чего это с ним?

Фируза принесла стакан воды, набрала воду в рот и прыснула на Графа Дракулу. Крыс открыл глаза, чихнул, тихо так, ворчливо пропищал:

– Ес-тес-сно из-за карты.

Тут мы дружно заорали так, как не орали и из-за поездки на Или. Я разжал руки. Ну, не от страха, не от страха, от... неожиданности. Упитанная тушка крыса шлёпнулась снова на карту.

– Ущипните меня! Говорящая крыса! – радостно завопил Макс, театрально заламывая руки. – Не верю!

Фируза, Петька и Жовхар прижались друг к другу, а Макс продолжал вопить:

– Ущипните. Ай! Чудо морское, больно!

Это я от души крутанул ему кожу у локтя. А что, сам попросил.

Граф Дракула сполз с карты, сел на задние лапки, потряс головой:

– Нда-с, друзья мои. Что за манера живыми графьями разбрасываться? Тебя бы так! – взвизгнул он и погрозил мне маленьким розовым кулачком.

– Извините, я не нарочно. Честное слово. Испугался немного. Вы, это, всегда разговаривать умели? – Сам не зная почему, я перешёл с привычного «ты» на изумлённо-вежливое «вы».

Граф Дракула разгладил лапками усы:

– Когда я книжки с вами читал – не удивлялись, а заговорил – орёте как... ну не знаю кто, громко орёте. Слишком. Просто раньше надобности разговаривать не было. А тут за пять минут чуть дважды Великому Крысиному Богу душу не отдал. Любой заговорит!

– Говорящая крыса, я в тебя не верю! – Петька изобразил, как он пальцами снимает с ушей невидимую лапшу.

– Вот, это напрасно, юноша. Как тяпну за палец, сразу поверишь! – возмутился крыс.

– Ничего не понимаю, – Макс обвёл нас взглядом. Петька подавил смешок, надул щёки и «сделал» серьёзное лицо. Жовхар посмотрел на брата, сдвинул брови и тоже «сделал» очень серьёзное лицо. Фируза показала им кулак и уставилась на Макса, приготовилась внимательно слушать. – Давайте спокойно разберёмся. Первое: мы – жертвы массовой галлюцинации, вызванной химическими препаратами. Тогда вопрос – кому и зачем это надо. Ответ – никому и ни зачем. А сами мы даже грибов не ели. Второе: Граф Дракула действительно говорящий. И это надо принять, как данность. Вопрос – зачем он заговорил, а заговорил он с нами после того, как увидел карту. Ответ – вполне возможно, что эта карта, кх-м, волшебная. Или лучше сказать – изменяющая реальность.

«Дошло наконец, – внутренне я запрыгал от радости. – Может, теперь старший задумается». Не тут-то было, Макс обратился к крысу, причём тоже перешёл на «вы». Думаю, максосо воспитание просто не позволило беседовать ему на «ты» с Дракулой. Теперь, когда крыс заговорил, он стал для брата не только человеком, но и графом – ноблесс оближ, положение обязывает: бароны графам не тыкают:

– Карта очень важна для вас, Граф, и почему-то важна и для нас. Я прав?

– Да. Кстати, можно на «ты», – ответил Граф Дракула. – Кто расшифрует карту, найдёт Нечто. Легенды об этом Нечто передаются среди крысиного народа из поколения в поколение много тысяч лет.

– А что это Нечто? – спросил Жовхар.

– Не знаю, точнее, не помню – вздохнул крыс. – Но я должен вспомнить. Это Нечто важно для всех: для крыс, для людей, для других живых в этом мире и это Нечто находится здесь. – Граф Дракула положил лапку на центр синей Паутины.

Синие нити засветились, ощутимо запахло озоном. Мы замерли.

Глава третья: Сборы

Хлопнула дверь в прихожей, по паркету в коридоре процокали когти, в комнату влетели нагулявшиеся Мура и Коныр. Они были сухими, совершенно сухими, будто и не бегали под проливным дождём. Подпрыгивая и взлаивая от переполнявшей их радости, собаки подскочили к нашей тёплой компании и облизали кому руки, кому лица. Под раздачу попал и Граф Дракула. Коныр шершавым языком от души лизнул крыса. Тот упал на спину, перевернулся, вскочил, проворно забрался ко мне на плечо и возмущённо прошипел в ухо:

– Сколько можно меня ронять!

Собаки, поздоровавшись со всеми, замерли, как по команде опустили морды к коврику. Шерсть на загривках поднялась дыбом, далёким громом послышалось тихое, и пока ещё неуверенное: «Р-р-р».

– Смотрите, собаки тоже что-то чувствуют, – я взял алабая за ошейник. – Фу, фу, Коныр.

Макс быстро схватил карту, сложил и засунул в конверт. Собаки успокоились. Надо было что-то решать. В школе мы читали мифы, и мне понравился миф про осла, который никак не мог выбрать, что сделать сначала – попить или поесть. Так и помер, бедолага. Я после того мифа всегда стараюсь решить, что сделать сначала, а что оставить на потом. Жить стало намного легче, успевать стал больше. Раньше ведь как было: ой, это я не сумею, а это не могу, а если вот то начну, то другое не успею. В общем, что бы ни делать, лишь бы не делать. Представил себя с ослиными ушами – картинка! Мечта моей соседки по парте злейшей подружки Даны – очень ей нравилось в школьную стенгазету писать, какой я неправильный. Сейчас! Разбежалась. Так помаленьку, потихоньку – решил-сделал. Начал с дневника – стал заполнять, как положено. Мелочь ведь, а столько проблем разрешилось и в школе, и дома. Главное начать и не останавливаться. Сейчас у нас проблемка посерьёзнее дневника. Карта – синица в руках и поездка на Или – журавль в небе.

– Ладно, – сказал Макс. – Не паримся. Оттого, что будем над картой сидеть, она не расшифруется. Едем на Или, думаем, вспоминаем. В общем, на отдыхе копим силы. Понятно?

– Да, Макс! – рявкнули мы дружно.

– Собирайте вещи, а я схожу к дяде Кадыру, поговорю, – Макс осторожно скрутил жёлтый конверт в трубку, засунул в наплечную сумку-банан, и пошёл к двери.

– Так всегда, вы – трудитесь, а «я поговорю», – съехидничала Фируза ему в спину. Макс не остановился.

– Зачем так говоришь, – возмутился Жовхар. – Сама знаешь, дядя Кадыр ни с кем разговаривать не будет. Он нас за мелочь неразумную держит, а Макса уважает. Что, трудно картошку в пакет сложить?

Фируза так удивилась, что даже ничего не ответила. Жовхар Фирузу обожает, только «да» всегда ей говорит. Мы тоже удивились и пошли собирать вещи. Крыс покрутился под ногами, потом сделал вид, что очень занят или устал, и сбежал в укромный уголок.

Несколько дней на Или большой подготовки не требуют – не Гималайская экспедиция. Но всё-таки сборы – дело очень важное. Это ожидание приключений и уверенность, что твоя безопасность и удовольствие от приключения зависит от того, как правильно и надёжно ты обеспечил свой поход. Когда промочил в речке ноги, в рюкзаке есть запасная пара носков, да ещё пара полиэтиленовых пакетов для страховки – переодел и топаешь дальше, не боясь простуды и сбитых ног. А забыл носочки, положился на авось – всё удовольствие коту под хвост. Идёшь, мокрыми ногами хлюпаешь, и ждёшь, что вперед подберётся – насморк или кровавые мозоли.

Короче говоря, гора посредине гостиной выросла солидная – этакий комнатный Хан Тенгри. Чего там только не было: спальники и противомоскитные сетки, кружки, ложки, миски.

Казан, вместо кастрюли, для ухи; котелок для чая. Четырёхместная палатка «для мальчиков», для нас, братьев, а «девочки» – бабушка с Фирузой, спать в машине будут. Репеллент, ножик, крем от загара, крем для загара, аптечка, мыло, зубная паста. Стопками – личные вещи: обязательно рубашки с длинными рукавами, ветровки или джинсовые куртки, шляпы, чёрные очки. Спички. Фонарики. Ещё спички (запасные). Фляжки. Соль, сахар, немного крупы, картошка, лук, лавровый лист. Какая уха без лаврушки и перца?! Сушки, две пятилитровых бутылки с водой, и чай. Банки с кормом для собак. Прикинули, что ещё может понадобиться, чего не хватает. Позвонили Макс, чтобы по дороге домой взял хлеба и сухарей. «И сыру, сыру», – теребил меня Граф Дракула. Что поделаешь, лакомка. Опять позвонили Макс, про сто граммов сыра. «Крысу надо было Беном Ганом назвать или Рокфором, а не Дракулой», – буркнул Макс и отключился. Ещё у подножья горы сложили удочки, запасные лески, поплавки, крючки и банку консервированной кукурузы. Неизбалованная илийская рыба клевала на городской деликатес лучше, чем на червя.

Из кухни слышалось шкворчание горячего масла и доносился вкусный запах жареных пирожков – бабушка готовила ужин.

– Бабуля, мы всё сделали! Посмотрите! – Жовхар старательно пристраивал на вершину вещевой горы футбольный мяч.

Бабушка заглянула в гостиную, довольно кивнула:

– Молодцы! Ружьё достанем перед выездом. Саксаул для костра из подвала не забудьте поднять. Ужинать! Стол разложите.

Мы побежали в столовую, собаки на кухню к бабушке. Они там пирожки с пылу с жару не едят, просто смотрят обожающими глазами, как бабуля готовит. Знают, когда она закончит, нальёт им в миски молока и разобьёт по паре сырых яиц. Собакам такое лакомство по нраву. Столовая – громкое название. Это просто большая комната, чуть поменьше гостиной. Мы в этих комнатах спим, когда здесь гостим, а чтобы поесть, в столовой раскладываем стол-книжку. На кухне места на всех не хватает.

Бабушка внесла большое блюдо с пирожками, сказала, что пойдёт дожаривать сладкие – с творогом и яблоками. Пирожки лежали на блюде тремя золотистыми горками, чтобы не спутать начинки: картошку, капусту и мясо. Потому что я не ем пирожки с картошкой, а Жовхар не выносит капусту. Петька не терпит мяса, с самого детства не ест. Никакое и ни в каком виде: ни варёное, ни жареное, ни котлеты, ни пельмени. Курятина, говядина, баранина доводят брата почти до обморока. От вида колбасы, сосисок, сарделек его тошнит. Запах тушёнки укладывает на больничную койку. Такой вот странный организм. Не включается мясо в обмен веществ. Только недавно Петька-Лал попробовал поесть рыбы. Получилось. Макс, Фируза пирожков не ест вовсе, только делает вид, что ест, чтобы бабушка не догадалась, и свою долю подсовывает нам. Это она так «худеет». Приходится выручать, мы Фирузу любим.

Не успел я протянуть к блюду руку, открылась дверь, и в комнату вошёл киик-адам. Киик-адамом у нас в Казахстане снежного человека называют. Очень похожий на настоящего. Просто очень-очень похожий. Мы растерялись, потом дружно расхохотались:

– Макс, прикольный костюмчик! Тебе не жарко?

Макс любитель приколов. Бабушка называет это «горе от ума». Действительно, старший настолько умный – ужас просто. Есть в кого. Его мама, старшая дочь деда и бабушки, тётя Фатиха, поступила в институт иностранных языков и почти сразу вышла замуж за профессора Гуго Лютцов-Зигварта фон Эдельштайна – его из Гейдельберга приглашали в Алматы лекции читать. Дядя Гуго самый настоящий барон. Поэтому у него такая сложная длинная фамилия – это от названий поместий. Правда, теперь он уже никакими поместьями не владеет, но титул остался и помогает ему работать в закрытых частных библиотеках, куда никого не пускают. Дядя – уникальный специалист по средневековой европейской литературе и его постоянно приглашают университеты разных стран. Так и живут: год в одной стране, два – в другой. В

результате к четырнадцати годам Макс свободно говорит на шести языках, читает на латыни и древнегреческом, на каникулах для прикола носит жёлтые линзы и ростом такой же длинный, как его фамилия. Мы его иногда дразним «бароном», он дуется и в отместку начинает говорить только по-японски, притворяясь, что других языков он знать не знает, ведать не ведаёт.

И детства обыкновенного у него не было. Кажется, он родился с клавиатурой в руках среди тысяч томов учёных книг и сразу начал читать энциклопедии, разные справочники и словари. Когда он здесь год учился в одном классе со мной, учителя за глаза его маленьким старичком называли – я случайно услышал. Всё удивлялись, что он не смеётся, на переменах не бегает, не играет, сидит себе с книжкой. Его как-то пацаны-одноклассники сразу вчетвером попробовали задира́ть, так он встал молча и этой самой книжкой всех четверых отлупил. Я даже вмешаться не успел. Потом брат сел, открыл на нужном месте и продолжал читать, как ни в чём не бывало. А книжка не тонкий детективчик в бумажной обложке, том килограмма на полтора весом с медными уголками. Какой-то философский трактат Августина Блаженного. Больше его никогда и никто не трогал. Первую сказку Макс всего года два назад прочитал. Не знаю, что у него в голове щёлкнуло. Такое началось! Лучше бы он сказок не читал. Представьте почти двухметрового верзилу, который в раннее детство впал?! Маски, костюмы, розыгрыши. В общем, от брата старшего ожидать чего угодно можно.

Киик-адам не отвечая, подсел к столу и начал поедать пирожки. С двух рук. Пока левая рука держала один пирожок у рта, правая тасила с блюда другой. Правой-левой, правой-левой, чав-чав-чав, глум! Бабушка внесла миску с творожными пирожками, умилилась:

– Максик, миленький, чтоб ты всегда так ел. Сейчас ещё с яблоками принесу. Тебе в таком костюме не жарко?

Бабуля вернулась на кухню, к сковородке с пирожками, а киик-адам жевал. Сквозь густую серебристо-белую шерсть поблёскивали глаза. Странно это. Макс так есть не мог, да и костюмчик какой-то уж слишком реалистичный. Забыв о пирожках, мы наблюдали за киик-адамом.

– Нет, братцы, это не Макс. Он хоть и длинный, но не настолько. И не такой, – Петька попытался подобрать слово, чтобы описать могучую фигуру пришельца. – Накачанный. И вообще, что-то тут не то: сначала Граф заговорил, теперь вот этот... волосатый друг.

Опять распахнулась дверь, на пороге застыл Макс с двумя пакетами в руках: в одном лежали кульки с сухарями и сыром в другом четыре булки хлеба. Мы дружно разинули рты. Я зажмурился и даже головой потряс – ничего не изменилось. Киик-адам, дожёвывая пирожок, встал, вытер о длинную шерсть замасленные пальцы. Потопал к выходу. Протискиваясь мимо Макса, аккуратно вынул у того из занемевшей руки пакет с хлебом, и скрылся в коридоре. Хлопнула входная дверь.

– Ему не жарко? – потрясённо спросил Макс.

Мы дружно замотали головами. Что творится – сначала киик-адам, про которого все подумали, что это Макс в маскарадном костюме, а оказалось, что это вовсе не Макс, а настоящий снежный человек. И этот настоящий человек отобрал у Макса хлеб.

– Что это вообще было? – Макс положил оставшийся пакет на край стола, стащил с плеча сумку с картой, повесил на спинку стула.

– Мы думали это ты, – неуверенно начал я. – Потом посмотрим – вроде не ты. Думали, ты прикалываешься так.

– Как он пирожки лопал, – Петька передразнил киик-адама. – Хап-цап, чав-чав. Ты в жизни столько зараз не заглотнёшь! Чудище-обжорище.

Жовхар отпустил руку Фирузы, которую сжимал всё это время и накинудся на Петьку:

– Что он тебе сделал? Пирожка жалко?

– Жалко – не жалко, тебе что за дело? – Петька оттолкнул Жовхара.

– Жадина!

– Липучка!

Снова-сначала, опять братцы раздухарились. Тут главное между ними не встравать. Петька быстро всё к шутке сводит и до драки у них никогда не доходит.

В комнату заглянула бабушка, братья тут же отскочили друг от друга и сделали вид, что ничего не происходит. Она укоризненно на них посмотрела и сказала:

– Если вы уже поели, упаковывайте вещи и несите в машину. А потом спать – раньше ляжем, раньше выйдем.

Мы разбрелись по «лежбищам». Я всё никак не мог заснуть, крутился, ворочался с боку на бок. Почему-то я был уверен, что нельзя нам карту оставлять дома, надо взять с собой, что она нам сослужит службу. И вообще. С этим киик-адамом мы забыли у Макса спросить, что же сказал дядя Кадыр. Стараясь не разбудить старшего брата, я потихоньку встал, на ощупь, вдоль стенки, побрёл в столовую, искать максову сумку, чтобы вытащить конверт с картой – утром, впопыхах, нетрудно и забыть.

– Ты куда? – раздался сонный голос Макса.

– За картой. В рюкзак переложить.

– Уже переложил. Спи, давай.

Я вернулся на диван, хотел ещё немного подумать о карте, но неожиданно быстро уснул. Снился мне странный сон: зелёное небо, взрывы, бесконечные синие коридоры, круглая, похожая на колодец комната с золотым тронем посередине. На троне сидит кто-то в светлом плаще с капюшоном – невозможно рассмотреть ни лицо, ни фигуру. А вокруг водят хоровод рыжие, белые, чёрные, большие и маленькие, снежные люди.

Глава четвертая: Поездка

Доводилось ли кому-нибудь ехать на рассвете по ровной дороге навстречу солнцу? Машина мчится, сглатывая километры и, кажется, вот-вот врежется в сияющий оранжевый шар. Но солнце медленно и упорно поднимается вверх – вот оно уже над капотом, вот поднимается к крыше и машина не успевает, несмотря на скорость. Дорога слегка поворачивает, и солнце смеётся уже с левой стороны, крутой поворот – и солнце справа. Игра в догонялки. Бойся, дневное светило, бабушка за рулём.

– Бабушка, ты гаишников не боишься? – я волновался, что выскочит из-за кустов страж дорожного порядка с полосатым жезлом и радаром, остановит, и неизвестно, сколько времени мы потратим, прежде чем двинемся дальше. Бабушка же ехала, как ни в чём не бывало, тихо-тихо напевала себе под нос странную, тягучую, нескончаемую мелодию. Услышала мой вопрос и будто очнулась:

– Так я же сто тридцать иду.

– Бабуля, это не автобан – здесь девяносто!

– Ой, – взволновалась бабушка. – Спасибо, Алмасик. – Сбросила скорость и чинно покатила по трассе. Впереди блеснула вода – не голубая, светло-серая с блестящими золотыми и оранжевыми дорожками отражённого света. Капчагай, огромное рукотворное море. Не могу никак представить, что эту громадину сотворили люди. Ну, бассейн, это понятно, ну там пруд – рыбу разводить. Озеро, наконец, на лодках кататься. Но море?! На берегу даже город небольшой построили. Там раньше фарфоровый завод был, потому что рядом песок хороший, сырьё ниоткуда возить не надо – все своё. У бабушки есть чайник и пиалки с росписью: по белому фарфору синие виноградные грозди. Когда из этих пиалок пьёшь, даже ромашковый чай вкусным кажется. Я хотел разбудить всех – пусть посмотрят, но бабушка не позволила. Никуда Капчагай не денется, а когда с трассы свернем, на ухабах сами проснутся. И точно, проснулись.

Жёлто-зелёная равнина казалась бесконечной. Редко-редко появлялось одинокое дерево, с которого тут же с резкими криками взлетали галки и оставались позади чёрными точками на фоне голубого неба. Кривые глубокие колеи виляли, разбегались далеко по степи, потом снова сливались в одну, потом опять разделялись, взбирались на пологие холмы и устремлялись вниз, повторяя путь шальных весенних дождей. Глинистая мелкая пыль стелилась за машиной, плотно скрывая всё, что находилось позади. Я люблю степь, её простор, её неброскую красоту, её сухой, пахнущий полынью, ветер. В степи мне спокойно.

Есть у нас на Или своё постоянное место. Река делает небольшой изгиб и получается крохотный пляж с мелким песком. Вверх по течению – узкая полоска рогоза, а вниз – по берегу вдоль реки растёт несколько ив. Удобно и красиво. Обустроились мы быстро: натянули тент для машины, поставили палатку. Кострище уже готово – не первый раз здесь. Камни закопчённые и таганок для котелка в середине. Сделал дело – гуляй смело: кто купаться побежал, кто на песочке валяется, Петька с Жовхаром в футбол затеяли играть. Счастливые Мура и Коныр играли вместе с ними, громко лаяли и путались под ногами. А я пошёл на охоту. Точнее на рыбалку. Это невозможно объяснить словами, что происходит, когда достаёшь коробочки с крючками на разную рыбу: маленькими на лещей, побольше и «позаковыристей» на амура и сазана; пакетики с мормышками и блёснами. А какие у меня поплавки! Круглые, толстенькие, для ловли в быстротекущей воде, каплевидные – для медленного течения, универсальные «челноки» из сосновой коры, для стоячей воды – длинный красно-белый из иглы дикобраза. И мой любимый – из пробки от винной бутылки. Любимый потому, что это мой самый первый поплавок и смастерил я его сам. Нет, не рыбаку этого не понять. Когда снаряжаешь удочку и представляешь, какую рыбу на неё поймаешь. О! В общем, пока народ наслаждался жизнью, я

за два часа наловил мелких карасиков, трёх судачков, пять лещей и очень приличного белого амура килограмма на полтора. «Добытчик», – похвалила бабушка.

Честно говоря, я бы наловил больше, но пока я разбирался со снастями, Граф Дракула не переставал причитать, что ему жарко, что он «погибнет от теплового удара», что крысам противопоказано солнце и, вообще, он не ест рыбу. Достал по-страшному. А когда я предложил ему отправляться в лагерь своим ходом, посмотрел, как вегетарианец на сервелат. Пришлось нести на руках. Устроившись на заднем сиденье автомобиля, Дракула потребовал воды, сыру, яблоко и сказал, что до вечера я абсолютно свободен. Мне было странно, как перед закрытой дверью, за которой скрыто что-то важное, но эту дверь страшно открыть. Любопытно, что ещё расскажет крыс и кто, в самом деле, приходил вчера к нам домой?!

Как мы варили уху – история отдельная и очень вкусная. Но когда всё было готово, уже настал поздний вечер. На небе высыпали звёзды, их было много, они подмигивали, будто знали какой-то секрет и готовы были поделиться этой тайной. Стрекот цикад прорезался острым и тонким вскриком ночной птицы. От реки тянуло свежестью. Звенели пока ещё немногочисленные комары. Петя лениво перебирал гитарные струны, – он на гитаре здорово играет, но петь стесняется, – поэтому мурлыкал вполголоса:

От моря и до моря
Плывёт рыбацья лодка,
А море беспокоится,
И нет ему конца.
Ни острова, ни паруса,
А ни звезды, ни месяца...

Фируза обняла Жовхара за плечи, и они сидели, глядя на огонь. Блики от костра играли на лицах, а мне отчего-то стало не по себе.

Жовхар появился в нашей семье недавно. Его отец, Рамзан, и отец Фирузы, дядя Аслан, были родными братьями. Рамзан, старший, с семьёй – женой Галей и детьми Жовхаром и Оксанкой жил недалеко от Грозного. Нам не сказали, что там произошло, но как-то зимой к дяде Аслану приехали мужчины в камуфляже и высоких папахах, привезли мальчика. Зашли на кухню и о чём-то долго говорили с дядей. Мальчика оставили в гостиной с тётей Бетой. Он, прижимаясь к стене, дошел до окна, сел на пол и вцепился рукой в стояк батареи. Тётя Бета пыталась его разговорить, мальчик смотрел в угол и молчал. В комнату вошли мужчины, тётя спросила, почему молчит племянник, а они сказали, что он теперь всё время молчит. Но – мужчина – не плачет. А родных больше никого нет. Попрощались и уехали. Бабушка Фирузу привела. Ей говорят, познакомься с братом, она ему ладошку протягивает, а он в стену вжался. Бабушка посмотрела и сказала, чтобы к нему не приставал никто пока. В доме тишина, все теньями ходят. Но Фируза долго молчать не может, начала потихоньку напевать – старинные песни, красивые, горские – дядя Аслан её научил, потом разошлась, да как запоем в голос украинскую «Нэсэ Галя, воду. Коромысло гнэцця...» и к окну идет. Тут Жовхар с места сорвался, кричит: «Падай, Оксанка, падай», толкнул её на пол, сам сверху упал, прикрыл. Никто не понял ничего, а это братишка опять прошлое пережил. Фируза ему Оксану напомнила. Ну, скорую, конечно, вызвали, увезли Жовхара – он долго в больнице лежал. Уже потом, после выписки, рассказал, как им в окно из гранатомета выстрелили. Дядя Рамзан в милиции служил, отомстили ему за что-то. Так вся семья и погибла. Только Жовхар выжил. Больше года уже прошло, а он по ночам часто кричит, маму и сестру зовёт. Бабушка Жовхара к психологу водит и говорит, что время лечит.

Макс достал из конверта карту, понизив голос что-то начал рассказывать бабушке. Она слушала, слушала, потом вздохнула, погладила брата по голове, как маленького. Тот надулся,

торопливо запихал карту вместе с конвертом в рюкзак и тоже стал смотреть на огонь. Я подумал, как здорово было бы, если б с нами был дед. Сидел бы сейчас у костра, рассказывал истории, мы бы слушали, раскрыв рты, а бабушка смотрела на него влюблёнными глазами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.